

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Франциска Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарх. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало марксистско-буржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футуризма	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ЧАРТИСТА О'БРАЙЕНА

Активный деятель чартистского движения, талантливый публицист и оратор Джеймс О'Брайен¹ сыграл большую роль в подготовке и пропаганде чартизма, в организации борьбы за народную хартию на различных этапах. Статьи О'Брайена, печатавшиеся в чартистской и демократической прессе, имели широкий отклик и оказали большое влияние на участников чартистского движения; об этом влиянии говорят все современники. Правильная оценка личности и взглядов О'Брайена должна способствовать более ясному пониманию идеологии рабочего движения этих лет, помочь проникнуть в духовный мир чартизма и в конечном счете глубже постигнуть как сильные, так и слабые стороны движения.

Буржуазная историческая наука, неспособная правильно оценить подлинную роль народа и отдельных личностей в истории, не может — да и не хочет — понять место О'Брайена в истории. Буржуазные историки, механически повторяя крылатое выражение О'Коннора — одного из лидеров чартизма, — назвавшего О'Брайена «чартистским учителем» (chartist schoolmaster), приписывают последнему преувеличенную роль в идеологии чартистского движения. Французский историк неопрудонист Доллеан объявляет О'Брайена признанным идейным вождем чартизма; Доллеан заявляет, что взгляды О'Брайена «стали символом веры и официальной доктриной чартизма»². Отказываясь видеть сложный процесс возникновения чартистских идей, их связь с реальными условиями своего времени, буржуазные историки фактически стремятся противопоставить О'Брайена — «поставщика» чартистской идеологии всей остальной массе участников чартистского движения, якобы лишь пассивно воспринимавших учение О'Брайена. О'Брайен, пишет тот же французский историк, дал чартизму не только «теоретические основы», но и «принципы действия», т. е. тактику³. Исходя из стремления противопоставить «вождя» О'Брайена «толпе», английские буржуазные историки отрывают О'Брайена от других мыслителей и идеологов демократического движения и усиленно подчеркивают буржуазное происхождение О'Брайена. Лейбористский историк Коль идет дальше всех в стремлении представить О'Брайена чисто буржуазным радикалом. Коль утверждает, что «О'Брайен не был социалистом в современном смысле слова; он был радикальным реформатором, который направлял свои нападки против монополии во всех ее формах». Коль называет О'Брайена «реформистом» и объяв-

¹ Первые статьи в демократической печати О'Брайен подписывал псевдонимом «Бронтерр»; позднее он поместил этот псевдоним в свою фамилию, подписываясь «Джеймс Бронтерр О'Брайен».

² E. Dolléans, Le chartisme. P., 1912, vol. I, p. 120.

³ Там же, стр. 63.

ляет его предшественником «современного эволюционного социализма», т. е. лейборизма¹.

Действительное значение О'Брайена состоит в том, что, находясь в гуще всенародной борьбы за хартию, в тесной связи с народом, он сумел в своих статьях и других работах обобщить опыт этой борьбы масс и обогатить этим опытом свои теоретические взгляды. Сочинения О'Брайена нередко поражают глубиной своих обобщений и догадок. Причина этого состоит в том, что работы О'Брайена отражали зрелость классовых отношений в Англии той эпохи, остроту классовых противоречий и классовой борьбы.

В своих публицистических статьях и других работах, написанных с талантом и страстью убеждения, О'Брайен с большой полнотой и в яркой форме отразил чувства и чаяния английского пролетариата, его идеалы, цели и стремления, отдав также дань некоторым заблуждениям, иллюзиям и противоречиям.

Именно этой глубокой связью идей О'Брайена с идеологией народных масс и объясняется огромная популярность его статей, о которой говорят современники: эту популярность никак нельзя объяснить одним талантом О'Брайена как публициста и писателя.

Однако было бы неправильным усматривать в О'Брайене, как это делал покойный академик Ф. А. Ротштейн, непосредственного предшественника Маркса; мы несогласны с утверждением Ф. А. Ротштейна, будто бы О'Брайен предвосхитил многие черты в теории исторического материализма. Нельзя упускать из виду, что в качестве идеала взору О'Брайена представлялось не столько будущее, сколько прошедшее.

Автор настоящего этюда ставит своей задачей познакомить читателя с историческими взглядами О'Брайена и притом не на всем протяжении его литературной деятельности, а лишь в начальный период — в 30-х годах, когда О'Брайен активнее всего пропагандировал свои взгляды и когда их влияние на рабочую массу было всего сильнее. Исторические взгляды О'Брайена сами по себе представляют значительный интерес как важный и мало известный этап в прогрессивной историографии.

Работы О'Брайена и его экскурсии в историю общества имели большое значение для выработки им взглядов на современные проблемы, на задачи и тактику рабочего и чартистского движения. Взгляды О'Брайена на ход исторического процесса явились той идейной основой, на которую опирались его высказывания по важнейшим вопросам идеологии и тактики рабочего движения. Отсюда понятно, какое значение имеет изучение исторических взглядов этого выдающегося чартиста.

I

Биография О'Брайена не богата событиями. Будущий видный деятель чартистского движения родился в 1805 г. в Ирландии, в зажиточной семье вино торговца. Отец его обанкротился и, чтобы поправить дела, отправился в Вест-Индию, где вскоре умер, оставив ребенка на попечение матери. Активный участник чартистского движения Гаммедж в своей «Истории чартизма» дает восторженное описание талантов О'Брайена. «Гений О'Брайена, — пишет Гаммадж, — начал обнаруживаться в самом раннем возрасте; ему не было еще десяти лет, как он изучил уже несколько языков, в которых достиг значительного совершенства. Он быстро

¹ G. D. H. Cole. Chartist portraits. L., 1941, p. 257, 267.

овладел латинским, французским, греческим и итальянским языками и в то же время сделал блестящие успехи в математике и других науках. Он обнаружил также большие литературные способности как в прозе, так и в поэзии¹. По окончании школы, где О'Брайен также показал большие способности, он поступил в Дублинский университет, который закончил со степенью бакалавра искусств. После окончания университета, в 1829 г., О'Брайен направился в Лондон для подготовки к адвокатуре. Однако прежнее решение — посвятить себя юриспруденции — он вскоре оставил и с головой ушел в политическую деятельность, примкнув к левому флангу демократического лагеря.

Эти скучные данные ранней биографии О'Брайена оставляют в тени его внутреннее развитие. Можно только догадываться о том, какое влияние на идейное формирование О'Брайена оказала ирландская действительность — нищета и придавленность крестьянства, политическое бесправие народа и гнет английского господства.

О'Брайен попал в Лондон в знаменательный период — в разгар общедемократической борьбы за преобразование парламента. Во главе этой борьбы стояла промышленная буржуазия, которая, опираясь на свою огромную экономическую силу, стремилась увеличить свою роль в законодательстве и управлении страной. Чтобы заставить противников считаться со своими требованиями, буржуазия привела в действие народную массу, внушая ей, что из реформы парламента народ извлечет непосредственные выгоды. Тактика буржуазии удалась: в борьбу за реформу включились широкие массы. В конце концов именно под давлением последних, после двухлетней борьбы, реформа была осуществлена. Требования буржуазии были удовлетворены: она получила долю в прямом управлении страной. Отныне буржуазия, ставшая господствующей силой в экономической жизни страны, как писал Маркс, была признана и в политическом отношении господствующим классом.

Иначе обстояло дело с требованиями народных масс: они ничего не получили от этой реформы. Более того, пришедшая к власти буржуазия постаралась дать им запоминающийся предметный урок классового эгоизма, проведя в жизнь после своей победы новый закон о бедных, наносивший самый серьезный ущерб интересам беднейших слоев городского и сельского населения.

Такова была политическая обстановка в Англии начала 30-х годов, когда молодой О'Брайен делал свои первые шаги. Его первые статьи в демократической печати, проникнутые боевым темпераментом и отмеченные печатью серьезной мысли, сразу обратили на него внимание. Начиная с 1831 г., он становится крупнейшим публицистом демократического лагеря и сотрудничает в виднейших органах демократической печати. В ноябре 1832 г. он стал редактором еженедельной газеты «Защитник бедняка» («Poor man's Guardian»). Под руководством О'Брайена эта газета сделалась ведущим органом радикально-демократического движения. Одновременно О'Брайен принимал активное участие в ряде других печатных органов радикально-демократического направления («The destructive and poor man's conservative» «Two penny dispatch», «London dispatch and peoples social and political reformer» и др.). Наивысшего подъема публицистическая деятельность О'Брайена достигает в период его сотрудничества в чартистской газете «Северная звезда» («Northern star»). Это время было также порой наибольшего влияния О'Брайена на массы.

¹ Г а м м е д ж. История чартизма. СПб., 1907, стр. 85—86.

Выступая в пользу решительного преобразования английского политического строя — «радикальной парламентской реформы», — О'Брайен с самого начала связал эту политическую реформу с социальными проблемами: он считал парламентскую реформу предпосылкой осуществления социальных преобразований. Разделяя взгляды Оуэна на устройство идеального будущего общества, О'Брайен расходился с ним в оценке путей к созданию такого общества: в отличие от великого утописта, который отвергал участие народных масс в политической борьбе и надеялся обратиться в свою веру правящие классы, О'Брайен считал необходимым привести в движение народные массы, а завоеванную ими политическую власть использовать для осуществления социальных идеалов Оуэна. Эта позиция О'Брайена, являвшаяся существенной поправкой к учению Оуэна, была подсказана ходом борьбы за парламентскую реформу: О'Брайен, находившийся в самой гуще борьбы, выразил настроения пролетариата, видевшего в завоевании политической власти путь к улучшению своего положения. Свои взгляды на задачи и содержание парламентской реформы О'Брайен не изменил и позднее; напротив, политика торжествующей буржуазии, достигшей власти и так беззащитно использовавшей эту власть для наступления против жизненных интересов народа, еще более убедила О'Брайена в необходимости политической борьбы ради полного преобразования парламента в интересах широких народных масс.

Опыт политической жизни этих лет обогатил О'Брайена пониманием классовой борьбы. Под непосредственным влиянием этого опыта О'Брайен обращается к изучению исторического прошлого.

Историческая тематика занимала немаловажное место в литературном творчестве О'Брайена. В 1836 г. вышло в свет в переводе О'Брайена и с его примечаниями сочинение французского революционера Ф. Буонарротти «Заговор во имя равенства», посвященное истории заговора Бабефа¹. В обращении к читателю О'Брайен сообщал, что собирается в ближайшее время представить публике ряд сочинений исторического характера, а именно: «Истинная жизнь и характер Максимилиана Робеспьера», «Подлинная история французской революции», «История английской республики». О'Брайен писал, что в настоящее время он занят сбором материалов для указанных работ². Как видно, исторические интересы О'Брайена были довольно широкими.

Вскоре О'Брайен исполнил часть обещанной им обширной программы: в 1837 г. вышел первый том биографии Робеспьера³. Тяжелые материальные условия и преследования властей лишили О'Брайена возможности закончить эту работу: второго тома биографии Робеспьера не последовало. План, намеченный О'Брайеном в 1836 г., в полном объеме не был осуществлен. Однако исторические взгляды О'Брайена, высказанные им в биографии Робеспьера, в примечаниях к сочинению Буонарротти, а также

¹ Полное заглавие книги: «Buonarrotti's history of Babeuf's conspiracy for equality», with the author's reflections on the causes and character of the French revolution and his estimate of the leading man and events of that epoch; also his views of democratic government, community of property and political and social equality. Translated from the French language and illustrated by original notes etc. by Bronterre, editor of the Poor man's guardian, Hetherington's twopenny dispatch etc. etc.» L., 1836.

² Buonarrotti's history, с. VII.

³ James Bronterre O'Brien. The life and character of Maximilian Robespierre, proving, by facts and arguments, that that much calumniated person was one of the greatest men and one of the purest and most enlightened reformers, that ever existed in the world; also containing Robespierre's principal discourses, addresses, reports, and projects of law etc in the national assembly, national convention, commune of Paris and the popular societies. With the author's reflections on the principal events and leading men of the French revolution etc. London (1837).

рассеянные в многочисленных газетных статьях, свидетельствуют о серьезности его занятий историей и глубине его исторических познаний.

Другая характерная черта исторических работ О'Брайена — его резко критическое отношение к буржуазной и аристократической историографии. Подвергая эту лживую историографию уничтожающей критике, О'Брайен подчеркивает в то же время ее классовую направленность, разоблачает ее низменные мотивы.

Излагая соображения, побудившие его перевести на английский язык и издать сочинение Буонарроти, О'Брайен пишет, что это сочинение «содержит самую ясную и правильную оценку, какую только можно встретить на любом языке, руководящих деятелей и событий великой французской революции...». Читая эту книгу, пишет О'Брайен, нельзя не прийти к убеждению, что почти все появившиеся книги о французской революции — «груды измышлений и лжи, искусно задуманные для того, чтобы примирить человечество с аристократической тиранией»¹.

Точно так же, указывая причины, побудившие его заняться биографией Робеспьера, О'Брайен наряду с такими мотивами, как стремление восстановить истину, воздать должное деятелям прошлого и «помочь друзьям политического и социального возрождения Англии», подчеркивает желание «поколебать кредит так называемой истории и авторитет великих имен — орудий, которыми до сих пор с таким фатальным эффектом пользуется аристократия для поддержания своей свободоубийственной системы»².

Разоблачая лживость «так называемой истории», О'Брайен в одном из примечаний к книге Буонарроти, писал:

«Эта литература, от начала до конца, не что иное, как груда лжи и фальсификаций (misrepresentation), задуманных и вдохновленных одной целью — сохранить каннибальское состояние общества. Она является, пожалуй, одной из самых страшных и фатальных преград из всех существующих преград на пути человеческого прогресса... Наступило время — осветить преступления и махинации аристократии, чтобы сделать для нее невозможным далее надувать и мистифицировать человечество»³.

Следует заметить, что О'Брайен не ограничивается нападками на аристократическую школу историографии, но разоблачает приемы «так называемой либеральной школы», вождями которой он называет Минье и Тьера. Частным примером, который вскрывает лживость этой «школы», О'Брайен называет освещение ею личности и деятельности Робеспьера. Понимая, что писания консервативных и роялистских историков своими грубыми нападками на Робеспьера могут оказать на читателя обратное действие, «эти хитрые люди» — Минье и Тьер, — пишет О'Брайен, избрали иной путь к той же цели — обману читателя: «ловко перемешивая правду и ложь, рассуждения и софистику, они высказали все *плохое*, что можно было сказать о Робеспьере, не потеряв доверия читателя, и умолчали обо всем *хорошем*, о чем можно было умолчать, сохранив видимость беспристрастия»⁴.

Приведя многочисленные образцы лживых и враждебных характеристик Робеспьера, изображающих его варваром, кровавым тираном, развратником, фанатиком и даже агентом роялистов, О'Брайен замечает:

«Историю определили как философию, которая оперирует примерами. Это, конечно, справедливо в приложении к *настоящей* истории. Но как

¹ Buonarroti's history, p. XIV.

² J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 4.

³ Buonarroti's history, p. 36.

⁴ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 7.

грустно думать, что молодежь страны формирует свои взгляды и воззрения при помощи той философии, которую мы описали выше, — «философии», которая в качестве своих средств пользуется ложью, а своей целью ставит рабство»¹.

Отправляясь от острой и резкой критики буржуазно-помещичьей историографии, О'Брайен пытается вскрыть истинный характер исторических процессов.

2

Как мы видели, на первом месте в программе исторических работ О'Брайена стояли сочинения по истории французской и английской революций. Обращение чартистского публициста к истории крупнейших революций далеко не случайно. Повышенный интерес к революциям, в особенности к французской, характерен не для одного только О'Брайена: и другие видные деятели чартизма, например Джулиан Гарни, увлекались ею. Это нашло заметное отражение в лозунгах чартизма и в фразеологии его вождей. В решительности, смелости вождей французской революции деятели чартизма видели образец для подражания.

Обращаясь к истории революций, О'Брайен видел в них прежде всего крупнейшие народные движения. Англию 30-х годов XIX в. с периодом революций сближало огромное обострение классовой борьбы и мощный подъем массового народного движения. В грандиозных событиях революций О'Брайен искал ответ на волнующие вопросы его времени, черпал уроки для настоящего.

Из сказанного ясно, что О'Брайен отводил народным массам весьма важную роль в историческом процессе. Действительно, для всего мировоззрения О'Брайена характерным является четкое понимание им решающей роли народных масс в истории, в частности в истории французской революции. О'Брайен неоднократно подчеркивает мысль, что именно трудящиеся массы были главной силой, которая двигала революцию. «Все революционные преобразования, — писал О'Брайен в биографии Робеспьера, — были осуществлены физической силой массы — правда, по наущению и под руководством вождей из других классов...»²

Взгляд О'Брайена на роль народной массы во французской революции и в истории вообще хорошо изложен им при характеристике событий 4 августа 1789 г., когда Учредительное собрание декретировало отмену ряда феодальных повинностей. О'Брайен глубоко и верно вскрывает подлинное содержание этой «ночи чудес», как окрестила события 4 августа буржуазная историография. Вскрывая подлинные причины «великодушия» французской аристократии, которая 4 августа якобы «добровольно» отказалась от своих привилегий, О'Брайен пишет:

«Если говорить правду, то, в то время как дворянство и высшее духовенство жертвовали в Учредительном собрании свои иммунитеты, в провинции народ сжигал их замки. Именно этот факт, так мало замеченный историками, имел поразительный эффект, стимулируя великодушные порывы в этот вечер... Каждый аристократ, имевший замок или парк, который можно было спасти, в одно мгновение стал великодушным».

О'Брайен разоблачает легенду, созданную реакционными историками, назвавшими день 4 августа «памятным днем». «Если лицемерие, жульни-

¹ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. XVIII.

² Там же, стр. 222.

чество, шарлатанство, фокусничество (thimble-riggery) и грабеж могут сделать какой-либо день памятным,— пишет О'Брайен,— в таком случае, конечно, этот день заслуживает особого места в революционном календаре». В этот день, пишет О'Брайен, аристократия *«великодушно»* отказалась от прав, изъятий и привилегий, которые народ уже более *не признавал*, а духовенство так же *великодушно* отказалось от своего права на десятину после того, как почти никто ее уже *не платил*». Так называемый выкуп десятины явился не чем иным, как недостойным трюком аристократии, которая присвоила себе десятину, а бремя содержания духовенства возложила на плательщика налога. «Таково содержание этого события, которое презренные историки революции называются реформой»,— заключает О'Брайен¹.

Истинным героем 4 августа 1789 г., заявляет автор, был «Свинг»²: крестьянскому движению во Франции О'Брайен дает название, хорошо знакомое английскому читателю.

Этот анализ подлинного содержания аграрной политики Учредительного собрания свидетельствует о глубоком знакомстве О'Брайена с материалами по истории французской революции и о его большой проницательности.

Высказав эту мысль, О'Брайен делает очень важное обобщение о роли народной массы в революции вообще.

«Если бы пролетарии,— пишет О'Брайен,— двинули артиллерию Свинга против средних классов, как они сделали это против привилегированных (по наущению средних классов), несомненно, они осуществили бы революцию, вопреки всякому сопротивлению. Никакое правительство на свете не может противиться Свингу, когда последний, шествуя в своем полуночном величии, приступает к деятельности в большом общенациональном масштабе. Средние классы против него так же беспомощны, как дворянство и духовенство»³.

Этот дифирамб народному восстанию хорошо рисует О'Брайена и свидетельствует о глубоком понимании им роли народных масс как подлинно ведущей силы исторического развития.

Взгляды О'Брайена-историка в этом вопросе совпадали со взглядами и практикой О'Брайена-чартиста, одного из выдающихся руководителей народной борьбы за преобразование политического строя в Англии.

Правильное понимание О'Брайеном решающей роли народа, как творца и основной силы исторического процесса, находилось в теснейшей связи с идеями О'Брайена о классах и классовой борьбе в современном обществе.

Эти идеи нашли свое наиболее яркое и выпуклое выражение в анализе классовой борьбы в годы французской революции. Эту революцию О'Брайен характеризует как «революцию средних классов» (middle class revolution), иначе говоря, буржуазную.

«Все беды и все несчастья этой революции,— писал О'Брайен,— произошли из того факта, что это была всего-навсего революция средних классов, то есть революция, начатая, руководимая и законченная только средними классами, причем роль пролетариев или трудящихся классов

¹ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 214—215, 217, 219.

² Под названием «Свинг» (это слово по-английски означает качели и виселицу) известно широкое движение английских крестьян-фермеров и батраков, охватившее в 1830—1832 гг. значительную часть южных и средних графств Англии и с большим трудом подавленное властями. Участники движения направляли помещикам требования, которые подписывал мифический вождь восстания «Свинг».

³ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 222—223.

в этой революции ограничивалась только тем, что они воевали, выполняли тяжелый труд, кричали «ура» и умирали от голода»¹.

Анализируя историю французской революции, О'Брайен устанавливает определенную закономерность, свойственную всем прежним революциям, в том числе и французской, которые начинают, как он выражается, «в высших областях общества. Нанеся свои первые удары наверху, они затем движутся вниз через все общество, увлекая за собой и сводя к общему уровню все посредствующие звенья (grades) до тех пор, пока не достигнут звена, находящегося непосредственно над производителем, иначе говоря, затронут все классы, живущие покупкой и продажей его труда или продуктов его труда. Здесь революции заканчиваются, ибо различные разгромленные группы, понимая, что они ничего не выиграют, если будут бороться между собой, находят выгодным объединиться и создать единый фронт против производителя, победа которого положила бы конец их обширным планам грабежа». «Ни одна революция,— прибавляет О'Брайен,— никогда еще на практике не нисходила ниже классов, извлекающих прибыль (profit-mongering classes). Именно поэтому все они оканчивались неудачей»².

Несмотря на несколько туманную фразеологию автора, нарисованная им схема указывает на понимание им места и роли отдельных классов в революции. О'Брайен не оставляет сомнения в том, как он оценивает роль буржуазии в революции. Он пишет:

«Когда в период революции извлекатель прибыли при помощи рабочего класса низводит все звенья, стоявшие выше него, к своему политическому уровню, он отбрасывает прочь своих старых помощников и, для того чтобы удержать их под гнетом, входит в союз с теми, кто угнетает их и кто угнетал ранее его самого. Тогда начинается новая фаза борьбы, но уже в противоположном направлении — борьбы в пользу контрреволюции, реакционной борьбы и попятное движение вообще идет до тех пор, пока оно не достигает того пункта, от которого революция началась. Такова история или точнее краткая схема истории всех прошлых революций»³.

Изложив эту схему, О'Брайен делает следующий практический вывод:

«Революция для того, чтобы быть эффективной, должна начаться снизу, а не с верхушки общества. Она должна начаться с продуктивных классов и ее первый удар должен направиться против извлекателей прибыли. Если вы одержите победу над ними, все высшие звенья сойдут на нет и исчезнут в надлежащий срок, ибо все они растут из них и поддерживаются ими»⁴.

О'Брайен ясно различал буржуазию и мелкую буржуазию, которую он называл «бедной буржуазией». Конституцию 1793 г. он связывал с победой именно мелкой буржуазии. В одной из своих газетных статей, носившей заглавие «Первая французская революция, ее подлинный характер. Робеспьер и истинная демократия», О'Брайен в 1837 г. писал:

«Революция 1789 г. ограничилась тем, что насильственно передала олигархическую власть большому числу лавочников, и актом, который закрепил эту узурпацию, была конституция 1791 г. Буржуа показали себя такими же скверными тиранами, как и аристократия, которую они устранили. Талантливые люди (Les hommes de genie) были лишены всяких

¹ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 217.

² Там же.

³ Там же, стр. 469.

⁴ Там же, стр. 470.

прав, даже права голоса (пассивные граждане). Бедная буржуазия была бы неспособна бороться против богатой, если бы на ее сторону не встал рабочий класс: так возникла демократическая конституция 1793 г.»¹.

Исходя из английского практического опыта классово-борьбы, О'Брайен смог понять не только многие события французской революции, но и более близкие ему события политической истории Англии. Чего стоит, например, анализ борьбы за реформу английского парламента:

«Огромное увеличение нашего торгового капитала за последние 30 или 40 лет и особенно за период войны,— пишет О'Брайен,— дало интересам денежных групп явное преобладание, с точки зрения богатства, над аристократией. Поэтому стало невозможно устранять эти группы от политической власти дольше, чем они сами устранялись от нее. А до 1830 г. они предпочитали устраняться — отчасти по той причине, что их богатство давало в их руки *косвенную* власть над парламентом, а эта косвенная власть, будучи скрытой и безответственной, по существу не уступала прямой; однако главным образом по той причине, что их страх перед новшеством был больше, чем их желание господствовать». О'Брайен делает тонкий и глубокий анализ причин трусости английской буржуазии, ее готовности к компромиссу с аристократией, правильно связывая эти черты с влиянием французской революции, напугавшей имущие классы Англии. «Со времени французской революции,— пишет О'Брайен,— вплоть до 1830 г. наши средние классы никак не могут собраться с мужеством, чтобы попросить хотя бы частичной реформы законодательных учреждений, опасаясь, что расширение политических прав в ее пользу может привести к предоставлению избирательных прав рабочим классам»².

Анализируя тактику французской буржуазии в эпоху революции и тактику современных ему буржуазных радикалов, О'Брайен делает ряд правильных сопоставлений. В одном из примечаний к труду Буонарроти, в том месте, где дается характеристика заговора 18 фрюктидора V года (август 1797 г.), О'Брайен проводит аналогию между участниками этого заговора и английскими радикалами его времени — Юмом, О'Коннелем и др. «В случае, если бы в Англии,— пишет О'Брайен,— возник народный заговор достаточно обширных масштабов, чтобы серьезно угрожать правительству», эти «лживые радикалы», по словам О'Брайена, «постарались бы стать во главе его для того, чтобы осуществить свои честолюбивые планы за счет обеих партий — правящей и оппозиционной; однако, если бы они поняли, что повстанцы слишком умны и им своей болтовней не удастся их обмануть, они вернулись бы к монархистам или, если надо, то к самому дьяволу, лишь бы помешать победе радикалов»³.

Эта резкая и справедливая оценка английской радикальной буржуазии делает честь проницательности О'Брайена. Здесь, разумеется, сказались опыт политической борьбы предыдущих лет.

Что же понимал О'Брайен под классом? В то время, когда писал О'Брайен, понятие класса было уже далеко не новым. Французские историки времени реставрации — Минье, Тьерри и др. — были, несомненно, известны О'Брайену, их работы он читал. Французские буржуазные историки, как известно, отождествляли народ — третье сословие — с буржуазией и классовую борьбу — с борьбой буржуазии против ари-

¹ «National reformer», 11 марта 1837 г. Цит. по кн. E. Dolléans, t. I, стр. 78.

² J. B. O'Brien. Указ. соч., стр. 276—278.

³ Buonarroti's history, p. 109.

стократии. Они отказывались расчленять третье сословие на людей, владеющих собственностью, и на людей, лишенных ее. По существу и Минье и Тьерри отказывались от материального содержания понятия класса, так как не связывали этого понятия с формами собственности.

О'Брайен в своем понимании класса ушел значительно далее французских буржуазных историков. Развитость классовых отношений и классовой борьбы в Англии подсказали О'Брайену и его понимание классов и роли классовой борьбы в истории общества. Оценивая взгляды О'Брайена по этому вопросу, академик В. П. Волгин справедливо писал: «О'Брайен не только регистрирует факт классовых противоречий, он видит в классовой борьбе единственный путь спасения для рабочего класса»¹. О'Брайен прямо связывал понятие класса с отношениями собственности. Говоря о задачах своего исторического сочинения, О'Брайен писал в 1837 г.:

«Надо объяснить народу, что во все века и во всех странах богатые были и всегда будут в постоянном заговоре против бедных и что все преступление и вся нищета на земле проистекают отсюда»².

Таким образом, очевидно, О'Брайен различал буржуазию как класс, отличный от «класса неимущих». Он неоднократно оперирует понятиями «рабочий класс», «производитель», противопоставляя их «классам, извлекающим прибыль». Правда, терминология О'Брайена носит нечеткий характер. Употребляя термин «рабочий класс» (или, как он чаще выражался, «рабочие классы»), О'Брайен имел в виду не только наемных рабочих: это — все трудящиеся и бедные люди, «те, кто терпит нужду», как определяет О'Брайен. О'Брайен не разработал четкого понятия класса.

Понимание роли народных масс в истории общества оказалось чрезвычайно плодотворным для всего мировоззрения О'Брайена. Оно позволило ему правильно подойти к вопросу о классовой борьбе и понять роль ее в истории. Оно также вплотную подвело его к разрешению вопроса о взаимоотношении личности и среды. Активный деятель и участник массовой народной борьбы, О'Брайен, в отличие от идеологов буржуазии, отнюдь не переоценивал роли отдельной личности в историческом процессе.

В одной из своих ранних статей в 1832 г. О'Брайен так характеризовал роль отдельных факторов в истории общества:

«Мы не обвиняем капиталистов в сознательном грабеже... Грабительства, совершаемые ими, совершаются не из дурных намерений, а происходят от их случайного положения в обществе. Или, вернее, грабительства совершаются при помощи бесшумного действия определенных факторов, над которыми они при данных обстоятельствах не имеют власти»³.

Ту же мысль О'Брайен высказал иными словами еще раз несколько позднее:

«Отдельные личности средних сословий,— писал он,— являются, подобно другим людям, продуктами обстоятельств. Их характер формируется учреждениями и их положением в обществе по отношению к другим классам»⁴.

¹ В. П. Волгин, История социалистических идей, ч. 2, вып. 1. М.—Л., 1931, стр. 131.

² J. B. O'Brien. Указ. соч., стр. 286.

³ «Midland Representative», 14 апреля 1832 г. Цит. по кн. Ф. А. Ротштейна. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М., 1925, стр. 104.

⁴ «Poor men's Guardian», 21 марта 1835 г. Цит. по Ф. А. Ротштейну. Указ. соч., стр. 104.

Подобные высказывания свидетельствуют о том, что О'Брайен близко подходил к правильному решению вопроса о взаимоотношении личности и среды.

Вероятно, именно это обстоятельство побудило академика Ф. А. Ротштейна приписать О'Брайену «материалистически-детерминистскую точку зрения» на историю. Отмечая ошибочное субъективное воззрение О'Брайена на историю, как на махинации «хитрых мошенников», ограбивших народ, академик Ф. А. Ротштейн утверждает, что через эту фразеологию философская мысль О'Брайена пробивает себе путь к правильному пониманию объективных исторических процессов, независимых от воли и «хитрости» отдельных людей. Отрицая преувеличенные представления о роли отдельных лиц в истории, О'Брайен, по словам Ф. А. Ротштейна, «уверенной рукой нащупал одну из глубочайших проблем философии истории, которая до сих пор еще для всех, стоящих вне марксистского мира мысли, является книгой за семью печатями»¹.

Подобное утверждение является плодом счевидного недоразумения: О'Брайен никогда не становился на «материалистически-детерминистскую точку зрения»; наоборот, в своих исторических взглядах он стоял на позициях идеализма.

3

Идеалистические взгляды О'Брайена на исторический процесс высказывались им неоднократно. Они нашли свое выражение и в его работах по истории французской революции, главной причиной которой О'Брайен считает влияние американской конституции, в особенности ее признание естественных прав человека и оправдание сопротивления угнетению. Французские офицеры и солдаты, побывавшие в США, пишет О'Брайен, привезли во Францию эти идеи конституции. «Вскоре,— пишет он,— у нации был подготовлен для реформы, и нужно было только какое-либо событие или кризис, чтобы он окончательно порвал со старой системой. Такой кризис вскоре возник в форме финансового расстройтва»².

Идеалистическая концепция исторического процесса приводит к тому, что при оценке роли и деятельности отдельных лиц эпохи французской революции О'Брайен забывает классовый подход. Вот, как, например, он характеризует партии эпохи французской революции:

«Тогда,— пишет О'Брайен,— имелось три больших партии: конституционалисты, которые представляли богатую буржуазию; умеренные республиканцы, которые, чтобы удовлетворить свою ненависть и злобу против богатых, приняли Конституцию 1791 г. в предвкушении грабежа, но с намерением соблюдать ее лишь до тех пор, пока она будет ствечать их интересам; истинные республиканцы или демократы, которые хотели равных прав всех и в Конституции 1793 г. видели путь к немедленному осуществлению этой цели. Только эта последняя партия была единственной достойной и честной партией; остальные состояли из отъявленных авантюристов и заговорщиков, которые добивались не свободы, а грабежа. Робеспьер и его друзья стремились к истинной демократии, которая гарантировала каждому право на полный продукт его труда»³.

Таким образом, О'Брайен, разгадывающий классовую принадлежность и классовые интересы буржуазии в революции, отказывается видеть

¹ Ф. А. Ротштейн. Указ. соч., стр. 105.

² J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 178—179.

³ «National Reformer». 11 марта 1837 г. Цит. по E. Dolleáns. Указ. соч., стр. 78—79.

классовую природу Робеспьера и его друзей. Различие между отдельными вождями революции О'Брайен усматривает вовсе не в их принадлежности к различным классам, а совсем в другом: «Некоторые из этих вождей,— пишет О'Брайен,— были честными, огромное большинство — бесчестными». Различие между ними О'Брайен усматривает также в следующем: «Честные вожди (и среди них главным был Робеспьер) стремились по возможности избежать необходимости применения физической силы, а если это окажется неизбежным, то использовать ее лишь в национальных целях, то есть для выгод, общих всем классам. Что касается бесчестных вождей, то они наоборот искали исключительных выгод для себя и для своего класса и были совершенно неразборчивы в средствах и целях»¹.

Идеалистический взгляд на роль законодательства приводит О'Брайена к преувеличению роли и значения французской Конституции 1793 г. Он пишет:

«Если бы эта конституция сохранилась, насколько иным было бы ныне положение Франции! Я твердо убежден, что если бы Робеспьер и его друзья остались у власти для ее осуществления, на французской территории — а возможно во всей Европе — ныне не оставалось бы ни одного нищего и ни одного угнетателя»².

Именно идеалистическое мировоззрение О'Брайена, его вера во всемогущество законодательства позволяет понять его последующее увлечение различными несбыточными, утопическими рецептами спасения человечества вроде реформы денежного обращения или идеями земельной реформы. Маркс весьма критически оценивал деятельность О'Брайена в этот период, называя его знахарем денежного обращения (*quack doctor*).

Эти утопические проекты О'Брайена в конечном счете коренились в его идеализме. Отсюда же происходило приукрашивание им исторического прошлого Англии. В газете «Северная звезда» в передовой статье под заглавием «Прошлое и настоящее» в 1839 г. был дан общий очерк истории английских законодательных учреждений. Стиль и другие данные указывают, что автором передовой был О'Брайен. В статье говорилось, что в прошлом эти учреждения исправно выполняли свои функции, так как народ был в них представлен и имел влияние на законодательство. Все беды английского народа, читаем далее, начались с того момента, когда он потерял свое влияние на выборы в парламент. «Законодательное учреждение, которое создает законы для руководства нации,— писал далее автор,— перестало заботиться о тех, кто не имел голоса на его выборах, и каждым дальнейшим своим актом расширяло этот разрыв... Каждый статут теперь носил печать равнодушия к нуждам и удобствам массы; несправедливость, угнетение и вымогательство пошли рука об руку; сильный теперь уже стремился не помочь слабому, а сокрушить его, хозяева стремились лишь к тому, чтобы выудить все у рабочего, стараясь не дать ему взамен ничего»³.

О'Брайен исходил из убеждения, что человеческое общество за последние столетия пошло не вперед, а назад. В одной из передовых статей в газете «Северная звезда», также, повидимому, принадлежащей перу О'Брайена, в следующих тонах изображался быт английского народа времен Елизаветы:

¹ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 222.

² Там же, стр. 215.

³ «Northern Star», 21 сентября 1839 г.

«Это был мирный век. Молодежь находилась под защитой, добродетель охранялась и счастье — в той мере, в какой его можно создать человеческими действиями,— было достоянием широких кругов самых обездоленных членов общества. Коттедж был очагом промышленности, где трудящийся бедняк после дневного труда мог общаться с любимой женой и детьми, наслаждаться теми благами общества, которыми одинаково дорожит и крестьянин в своей хижине и богач в своем замке. Дети могли дышать свободным божьим воздухом и не подвергались заражению в обществе бездельников и дурных людей»¹.

Идеализация прошлого, сформулированная здесь, характерна не для одного только О'Брайена. Она отражает незрелую идеологию части английского пролетариата. Ремесленники и крестьяне, насильно вовлеченные в фабричное производство, мечтали о возвращении к прошлому.

В несомненной связи с идейными ошибками О'Брайена стояла и его позиция в вопросе о частной собственности. Так, касаясь взглядов Буонарроти на частную собственность, О'Брайен подчеркивает свое несогласие с ним. В условиях юридического и политического равенства людей, говорит О'Брайен, «я не вижу возражений против частной собственности. Каждый человек имеет право на стоимость своего труда или услуг, пусть эта стоимость будет больше или меньше. Если один человек может сделать и делает вдвое больше другого, он, разумеется, должен иметь по справедливости двойное вознаграждение. Но если его сила или умение дают ему возможность получить вдвое больше продукта, чем его соседу, то из этого вовсе не следует, что по этой причине он имеет право или возможность взять себе не только результаты своего труда, но и труда соседа. Между тем именно здесь заключено великое общественное зло — оно не в частной собственности, а в несправедливых, жестоких правах, которыми ее наделяют существующие законы всех стран». Нынешнее положение, пишет О'Брайен, приводит к тому, что собственник богатства богатеет далее, «в то время как тот, кто производит эти богатства, делается все беднее и беднее по мере того, как с возрастом уменьшается его сила, и в конце концов он умирает в работном доме. Таковы результаты богатства, как они действуют ныне. Они проистекают не из собственности, а из грабежа; они являются не выражением прав собственности, а наказанием усердия; они проистекают из плохих законов, из выродившихся учреждений».

Следовательно, О'Брайен исходит из неизбежности имущественного неравенства. Он считает сохранение этого неравенства естественным, но полагает, что и при наличии его возможно установление «справедливого» общественного строя, «истинной демократии». Для этого достаточно, по мнению О'Брайена, установить политическое равенство граждан.

«Первым шагом к такому равенству,— писал О'Брайен,— является распространение избирательного права в одинаковой степени на все классы, без ограничений или квалификаций, кроме тех, которые касаются в одинаковой степени всех частей социального организма, а именно — возраста, здравого ума, моральных качеств и т. д.»².

Таким образом, О'Брайен признавал частную собственность и надеялся исправить последствия ее существования при помощи законов.

Однако на основании этих заявлений О'Брайена о частной собственности было бы совершенно неправильно зачислять его в разряд буржуазных радикалов, как делает это лейборист Коль. О'Брайен был искренним

¹ «Northern Star», 21 сентября 1839 г.

² Buonarroti's history, pp. 214, 216—217.

социалистом: он верил в необходимость и неизбежность замены существующего капиталистического общества с его системой эксплуатации иным, идеальным обществом. Выступая за сохранение частной собственности, О'Брайен подчеркивает, что он отнюдь не противник «системы общности», т. е. социалистической системы. «Напротив,— пишет он,— я считаю эту систему обязательным условием социального прогресса»¹.

Значение О'Брайена в истории общественной мысли состоит не в разработке идей о будущем обществе. К этому видному идеологу чартизма в полной мере относится то, что академик В. П. Волгин писал двадцать пять лет тому назад о чартизме в целом:

«Значение чартизма в истории социализма лежит... в области методов борьбы и их социологического обоснования. Здесь это первое широкое политическое движение пролетариата оставило для будущих борцов за социализм богатое, до сих пор не вполне оцененное наследство. Английский пролетариат и его вожди не ясно сознавали конечные цели движения, но выступление на поприще массовой борьбы за политическую власть во имя этих, хотя бы и неотчетливых социальных целей должно было неизбежно поставить ряд вопросов, которые были чужды социалистам-утопистам»².

О'Брайен в яркой и отчетливой форме отразил в своих произведениях и сильные и слабые стороны идеологии чартистского движения. Его теоретические воззрения, опирающиеся на опыт массового народного движения этих лет, исходящие из понимания решающей роли народных масс в истории, позволяют отнести этому крупному деятелю английского рабочего движения этих лет видное место в английской прогрессивной историографии.

¹ J. V. O'Brien. Указ. соч., стр. 218.

² В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. 2, вып. 1. М.—Л., 1931, стр. 129.